

Н.Г. Чернышевский

Сочинения. Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Ч-49

Ч-49 **Чернышевский Н.Г.**
Сочинения. Том 2 / Н.Г. Чернышевский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 690 с.

ISBN 978-5-458-23376-7

В первый том собрания философских сочинений Н. Г. Чернышевского включены его работы 50-х годов. Магистерская диссертация «Эстетические отношения искусства к действительности», а также цикл работ, примыкающих к ней тематически, дают представление об эстетической концепции мыслителя. Ряд произведений середины 50-х годов раскрывает также процесс формирования его концепции философии истории. Во второй том издания входят работы 60 80-х годов, которые знакомят читателя с социалистическо-утопическими взглядами Чернышевского, его концепцией антропологического материализма и философско-исторической системой.

ISBN 978-5-458-23376-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

КАПИТАЛ И ТРУД

(«Начала политической экономии», сочинение *Ивана Горлова*. Том первый, С.-Петербург, 1859).

Читателю известно, что мы не очень усердно поклоняемся той системе политической экономии, которая, по незаслуженному счастью, до сих пор считается у нас единственною и полною представительницею всей науки¹. Если мы скажем, что г. Горлов ни на шаг не дерзает отступать от этой системы, читатель может предположить, что наша статья будет содержать жестокое нападение на сочинение г. Горлова. Нет, мы не находим, чтобы эта книга заслуживала такой участи или такого внимания.

Г. Горлов излагает систему, которую мы не одобряем; но он, как из всего видно, держится этой системы только потому, что гораздо легче знать вещи, о которых толкуют во всех книгах уже целых сто лет, нежели усвоить себе понятия, явившиеся не очень давно. Ломоносов был великий писатель — кому это не известно? А то, что Гоголь также великий писатель, еще далеко не всем понятно. За что же нападать на человека, который, вечно толкуя о Ломоносове, не ценит Гоголя потому только, что родился «в настоящее время, когда», чтобы понимать Гоголя, надобно следить за литературою, а не через пятьдесят лет, когда слава Гоголя войдет в рутину? Это просто отсталый человек; отсталость должна в чувствительной душе возбуждать сожаление, а не гнев.

Порицать книгу г. Горлова мы не находим надобности; хвалить ее мы, пожалуй, были бы готовы, но, как ни старались набрать в ней материалы для похвал, набрали их не много. Изложение книги не очень дурно; хорошим назвать его нельзя, потому что оно вяло и скучно. Мыслей, которые считаются дурными у людей, взятых г. Горловым за руководителей, у г. Горлова нет; но зато нет и ни одной сколько-нибудь свежей или самостоятельной мысли, — а мы могли бы ожидать найти хотя две-три таких мысли, потому что некоторая (умеренная) свежесть и некоторая (мелочная) самостоятельность допускаются даже школою, к ко-

торой принадлежит г. Горлов. Ученость — и того мы не нашли. Есть заимствования из Рошера, Рау, Милля, Мак-Куллоха, показывающие знакомство с этими писателями; но их книги не такая редкость, чтобы уже и превозносить того, кому случится познакомиться с ними. Главным ресурсом для г. Горлова служит, по-видимому, «Словарь политической экономии» Гильйомена², — книга хорошая, спору нет, но вовсе не имеющая своим назначением служить источником для ученых сооружений. За что же можно похвалить г. Горлова? Разве за спокойствие, умеренность и скромность тона? Правда, это не составляет особенного достоинства при вялости изложения, а должно считаться только следствием вялости; но, так и быть, похвалим его книгу за отсутствие излишних претензий.

Говоря без тонкостей, это значит: мы не намерены нападать на книгу г. Горлова потому, что, при всей своей почтенности, она не заслуживает внимания. Есть читатели очень мнительные, которым все надобно доказывать. К числу их в настоящем случае, без сомнения, будет принадлежать и г. Горлов. «Вы говорите, что моя книга не заслуживает внимания, — извольте же доказать это». Пожалуй. В доказательство возьмем, чтобы не ходить далеко, хотя предисловие к «Началам политической экономии». Вот оно, все вполне. Читатель, который поверит нам на слово, может пропустить эту выписку, потому что, предупреждаем его, он не найдет в ней ничего, заслуживающего труда быть прочтенным.

В настоящее время в России поднято много весьма важных вопросов, тесно соединенных с народным благосостоянием. Чтоб прояснить свои понятия об этих вопросах, общество обратилось к науке, дотоле находившейся у нас в совершенном забвении, — к государственной экономии. Тогда оказалось, что хотя наука эта прежде и не была разрабатываема в нашей литературе, но что начала ее были более или менее распространены между многими образованными людьми чрез университетское преподавание или чрез изучение иностранных сочинений. Ибо, по первому призыву общественного мнения, возбужденного вопросами о свободе труда в сельском хозяйстве и торговле, о способах владения землею, о монополиях и других предметах, появились не только особые отделы в журналах, им посвященные, но даже основались специальные журналы, назначенные для разработки экономических идей и руководимые людьми весьма сведущими. При таком направлении нашего времени и при таких его потребностях, напрасно было бы оправдывать появление книги, заключающей в себе изложение начал государственной экономии.

Однакоже те ошиблись бы, которые, имея в виду вопросы современности, стали бы искать в этой книге практических правил и способов действия в данных случаях. В настоящее время появляется в России много разных планов и экономических проектов. Но не такова задача этой книги; она чужда всякого прожектерства и не есть собрание каких-нибудь политико-экономических рецептов и способов. В ней только излага-

ются естественные законы экономики народов, и мы почти могли бы сказать вместе с французским экономистом К. Дюнойэ: «*Je n'impose rien, je ne propose même rien, j'expose*»³. Но живая потребность ощущается, и именно теперь, в изучении этих естественных законов. И в самом деле, если прежние искусственные организации народной экономики, произведенные историческими обстоятельствами, удаляются со сцены, то надобно знать, каким естественным законам будет следовать народная экономика, когда она будет предоставлена самой себе.

При этом случае так называемые практики, конечно, упрекнул нас в ограниченности взгляда, который довольствуется старою, заброшенною формулою *laissez faire*⁴ и полагается на естественные законы. Мы же, с своей стороны, находим, что эта формула есть великое, хотя и не исключительное начало, что она уже принесла и принесет еще огромную пользу всякий раз, когда заставит общество убедиться в бесполезности разных искусственных организаций, вроде *glebae adscriptio*⁵ и тому подобных. А естественные законы установлены тою же великою силою, которая управляет целым миром; следовательно, по натуре своей, они не могут быть бедственными и разрушительны, и рассмотрение их всегда может сделаться достойным предметом весьма важной науки.

Нам скажут, что под влиянием естественных законов человек не только живет, но страдает и погибает. Это справедливо; так что же из этого? По естественным законам человек может впасть в бедность и расстроить свое экономическое положение. Из этого выходит только то, что ему необходимо законы эти изучать, чтоб из них извлекать все пользу и, напротив, избегать зла. С последнею целию общество принимает некоторые меры; но это не показывает, что надлежит отвергнуть формулу *laissez faire*; это показывает только, что надлежит в известных случаях ее дополнять. Какова была бы медицина, если б она утверждала, что для поддержания здоровья человека надлежит постоянно возбуждать искусственными средствами его аппетит и таковыми же очищать его тело и что природа этого сделать не может, будучи предоставлена самой себе? И однакоже прежние экономические системы были проникнуты духом именно подобной медицины, ибо они искусственно возбуждали производство и потребление ценностей в обществах, не понимая, что для них существуют естественные законы. Таких-то экономических систем мы не признаем и желаем, чтобы они от прежней сложности действия и искусственности обратились к потерянной простоте и естественности.

Итак, мы излагаем теорию, естественные законы экономики народов. Но теория была бы жалкою и бесплодною отвлеченностью, если б она отворачивалась от явлений современности, которые совершаются пред глазами всех и живо занимают всех, кому дороги важнейшие интересы человечества. В объяснении именно этих явлений лежит практическое значение теорий, излагаемых в науке. Современные экономисты, Мекколлок и Рошер, справедливо заметили, что важнейшая задача теоретика состоит в том, чтобы выразить и рассмотреть с надлежащей основательностью потребности своего времени. Мы старались не выпускать из виду эту точку зрения, излагая отвлеченные истины экономической науки, и, может быть, это-то придаст нашей книге некоторую особенность и практическую, несмотря на то, что в ней нет готовых планов действия и экономических проектов.

Обращаемся теперь к недоверчивым читателям, которые были своею мнительностью принуждены прочесть выписанное нами предисловие г. Горлова, и спрашиваем их: чего должно ожидать от книги, имеющей подобное предисловие? От него веет шестидесятилетней рутиню,

вы по крайней мере двадцать раз читали в разных книгах все то, что сказано на этих страницах,— и каким рутинным тоном изложены эти всем и всякому давно наскучившие мысли! Обратите внимание хотя на начало: «В настоящее время в России поднято весьма много важных вопросов» — ведь этими самыми словами начинает ныне решительно каждый, что бы ни начинал писать,— фельетон о загородных гуляньях или пении г-жи Лагруа в «Норме»⁶, об освобождении крепостных крестьян или о новоизобретенной помаде для рощения волос. Итак, «в настоящее время» появление «Начал политической экономии» своевременно. Почему же? Вероятно, потому, что она дает решения для «вопросов», поднятых в настоящее время? Нет, она «не есть собрание политико-экономических рецептов и способов (к чему?)». — В ней не найдется практических правил и способов действия в данных случаях». Она только описывает, а не предписывает,— прекрасно; но в таком случае, к чему же начинать фразой «в настоящее время»? И какою ветхостью пахнет мысль, что наука только описывает факты, а не предлагает правил! Неужели из таких фраз можно составлять предисловия? И кто придумал эту мысль? Несчастный Жан-Батист Сэ, как уловку для смягчения Наполеона, не любившего, чтобы «идеологи»⁷ мешали ему воевать! Это — отговорка, избитая уловка, а г. Горлов принимает ее за чистую монету. Где вы найдете книгу о политической экономии, которая не требовала бы свободы труда и отменения протекционной системы? Сам г. Горлов требует этих вещей. Почему же он не замечает, что книга его противоречит своему предисловию? — Потому не замечает, что и содержание книги, и содержание предисловия им составлены просто по рутине. Довольно будет того, говорит он, если наука убедит в бесполезности искусственных организаций «вроде *glebae adscriptio*» — какая скромность в прелестном выражении *glebae adscriptio* вместо «крепостное право»! Книга подписана г. цензором 6 апреля и 11 августа 1859 года, когда уже свободно позволялось говорить о вреде крепостного права, а г. Горлов все еще не решился употребить этот прямой термин в предисловии к ней, как будто писал пятнадцать лет тому назад. И будто бы крепостное право — искусственная организация? Просмотрите книгу Лепле «*Les ouvriers*»⁸ или хотя Рошера,— вы увидите, что оно возникает так же естественно, как впоследствии возникает отношение наемного работника к капиталисту. Естественность известного явления, к сожалению, вовсе не ручается за его сообразность с здоровыми экономическими

понятиями. У древних, например, естественно развилось в теории понятие, а в практике явился обычай, что свободному гражданину неприлично работать — ну что тут хорошего? Начитавшись Бастиа, который особенно много разыгрывал вариаций на слово искусственность, г. Горлов забыл, что искусственным образом не производится в общественной жизни ровно ничего, а все создается естественным образом⁹, — дело не в том, чтобы сказать «это естественно», а в том, чтобы разобрать, ко вреду или к пользе общества это служит. Ведь и протекционная система — явление совершенно естественное в известных обстоятельствах (то есть, когда масса не имеет здравых экономических понятий, проникнута завистью к иноземцам, думает, что богатство состоит главным образом в деньгах и т. д.), — а по словам самого г. Горлова, в ней нет ничего хорошего. Война тоже дело самое естественное и останется самым естественным делом в истории, пока массы не будут перевоспитаны. Г. Горлов вслед за своими учителями говорит о естественности и искусственности, но сами его учителя не знают хорошенько смысла употребляемых ими понятий; мы на следующих страницах поговорим об этом подробнее, а теперь заметим еще один милый факт все о том же деликатном *glebae adscriptio*. «В настоящее время, когда поднято так много вопросов», ведется дело, между прочим, и об уничтожении у нас крепостного права. У нас некоторые полагают, что освобожденные крестьяне будут лениться, не захотят заниматься на обработку полей, и земледелие упадет, количество производимого Россией хлеба уменьшится от освобождения крестьян. Интересно было бы знать, подтверждаются ли такие опасения последствиями подобных реформ в других странах. О том, каковы были экономические последствия освобождения крестьян во Франции, Пруссии, Австрии и других европейских землях — г. Горлов ничего не говорит; единственный пример освобождения, экономические результаты которого подробно пояснены у него, — уничтожение рабства в английских и французских колониях. К чему же привела эманципация английских вест-индских невольников?¹⁰ Вот к чему, по словам г. Горлова (стр. 145 и 146): «Для плантаторов оказались неудобства, состоявшие в том, что рабочих нельзя было находить без большого затруднения. Негры не хотели заниматься прежними работами, а стали возделывать пустопорожние земли, или заниматься мелкими промыслами, или предаваться праздности. Только огромная плата могла привлечь их на плантации, так что во время жатвы поденщики по-

лучали до 3 и даже 4 рублей. Это положение, проистекавшее от недостатка рук, через несколько месяцев было причиной того, что работа на многих плантациях была совершенно прекращена. Разумеется, и производство сахара соответственно уменьшилось». Затем следует ссылка, разумеется, на «Dictionnaire de l'économie politique»¹¹, служащий главным ресурсом для г. Горлова, и приводится из этого словаря таблица, показывающая, по словам г. Горлова, что «производство сахара, постепенно уменьшаясь, дошло только до двух третей в период 1842—1846 годов» сравнительно с тем количеством, какое производилось в 1827—1831 годах, до освобождения негров. Далее г. Горлов подробно объясняет, «до какой степени пострадали колонии» от освобождения негров. В Гвиане, например, по его словам, «цена многих плантаций чрезвычайно упала», и заключает свое рассуждение словами: «Итак, с экономической точки зрения и имея в виду одни только настоящие, современные интересы, эманципация была делом разорительным» (стр. 147). На той же и следующей страницах говорится, опять по свидетельству того же драгоценного ученого пособия, «Dictionnaire de l'économie politique», что «те же хозяйственные последствия, которые обнаружились в английских владениях, оказались и во французских колониях», и до сих пор, в течение целых одиннадцати лет, «благополучие колоний все еще не восстановилось» (стр. 148). «Dictionnaire de l'économie politique», изданный для французской публики, может безопасно говорить ей об этом предмете какой угодно вздор, потому что освобождение там — уже дело конченное и безвозвратное. Но русский автор, пишущий для общества, в котором вопрос об освобождении еще не покончен, не должен был бы без всякой критики заимствовать всякое пустословие о вредных последствиях освобождения из французских книжек или книжищ с дурным направлением, потому что у нас нелепые суждения об этом предмете могут иметь дурное влияние. Если бы г. Горлов потрудились справиться с отчетами о совещаниях французского конституционного собрания 1848 года, провозгласившего освобождение негров во французских колониях, он увидел бы, что та партия, которая писала статьи «Dictionnaire de l'économie politique», была партией плантаторов, противилась освобождению негров, и увидел бы, как опровергались мнения этих почтенных людей Шельхером, главным двигателем освобождения негров¹². Он понял бы тогда, что бедствия, на которые жалуются французские плантаторы, были произведены не освобождением негров, а безрассуд-

ным поведением самих плантаторов, противившихся освобождению, раздраживших негров и не захотевших вести свое хозяйство рациональным образом. Он мог бы оценить тогда справедливость их жалоб на леность негров. Дело очень просто: плантаторы не хотели по освобождении негров изменить порядка работ, существовавшего при невольничестве, не хотели обращаться с неграми, как с людьми свободными, хотели сохранить на работах бич как поощрение к труду, не хотели ни платить неграм за работу, ни изменить устройства своих плантаций так, как требовали новые условия труда. Само собою разумеется, что и в Пруссии разорился бы тот помещик, который захотел бы теперь сохранять в своем поместье барщину и плеть¹³. Совершенно неизвинительно легкомыслие, с которым г. Горлов также повторяет жалобы английских вест-индских плантаторов. Если бы он потрудился прочесть полемику, которая велась об этом предмете в английских газетах много раз, и между прочим в начале нынешнего года, он увидел бы, что жалобы плантаторов на неохоту негров работать лишены всякого основания, — да, повторяем: лишены *всякого* основания. Плантаторы в большей части колоний просто не хотят платить им порядочного жалованья, — это доказано официальным образом, об этом свидетельствуют сами губернаторы колоний. А в тех колониях, где плантаторы отказались от вражды против негров, где они нанимают их по добровольному соглашению, как нанимаются работники в Западной Европе, *никакого* недостатка в рабочих силах не чувствуется и негры работают как нельзя усерднее. Напрасно г. Горлов принял без критики пустословие «*Dictionnaire de l'économie politique*», напрасно он не потрудился справиться с подлинными документами. Вопрос о том, действительно ли освобождение в вест-индских колониях имело те следствия, как утверждают плантаторы, слова которых легковерно повторяет г. Горлов, слишком важен для нас; потому в одной из следующих книжек «Современника» мы переведем статью *Edinburgh Review*, подробно излагающую ход дела в английских вест-индских колониях¹⁴. Документы, в ней приводимые, доказывают, что экономическое падение колоний началось задолго до уничтожения невольничества; что главною причиною его было самое существование невольничества; что производство сахара в колониях начало уменьшаться до уничтожения невольничества; что эманципация не усилила этого явления, происходившего от других причин; что, напротив, выгодные последствия его, наконец, одолели силу причин, уменьшавших производ-

ство сахара, что свободный труд дал плантаторам возможность выдержать соперничество с другими производящими сахар странами, которые совершенно задавили бы производство английских колоний, если бы эти колонии сохранили невольничество,— одним словом, что освобождение негров имело последствия, совершенно противные тем, какие приписываются ему неразумною злобою плантаторов: не разорило колонии, а спасло их от совершенного разорения, являвшегося следствием невольничества.

Понятие, сообщаемое нам книгою г. Горлова о последствиях эманципаций, может служить примером того, до какой степени оправдываются содержанием его книги слова его, будто бы он «не выпускал из виду точку зрения», по которой «важнейшая задача теоретика состоит в том, чтобы выразить и рассмотреть с надлежащею основательностью потребности своего времени». Надобно ли говорить о том, сколько свежести и занимательности имеет столь удачно осуществляемая им мысль, что «теория», «не давая готовых планов действия», не должна, однакоже, «отвращаться от явлений современности, которые совершаются перед глазами всех и живо занимают всех, кому дороги важнейшие интересы человечества»?

Таким образом, предисловие г. Горлова составлено из мыслей, которые, быть может, имели свежесть лет пятьдесят тому назад, но составлять из которых предисловие к сочинению, издаваемому «в настоящее время», быть может, значит наводить читателя на предположение, что он в самой книге не найдет ничего, кроме истертой школьной рутины. Вдобавок сличение этих обещаний предисловия с содержанием книги показало нам, что г. Горлов набирает ветхие взгляды из своих учителей, не думая о том, оправдываются ли они подробностями той самой теории, которую он излагает. Он восстает против искусственности и не замечает, что, например, меркантильная система¹⁵, которую главным образом имеет он в виду («прежние экономические системы», которые «искусственно возбуждали производство и потребление ценностей в обществах»,— эти слова явно служат характеристикой меркантильной системы),— не замечает того, что меркантильная система была в свое время явлением самым естественным, да и никогда не бывало ничего искусственного в экономических явлениях; он заимствует слово искусственность из Бастиа, не замечая, что оно годилось только для полемики, а серьезного смысла в себе не заключает. Он обещает надлежащим образом рассматривать живые вопросы и по важнейшему из них, по эманципации, без всякой критики

повторяет ложные уверения людей, защищавших рабство и озлобленных его уничтожением.

Нам кажется, что нет надобности подробно разбирать книгу, снабженную таким ветхим предисловием. Нам кажется, что нет оснований и нападать на такую книгу: бог с ней, она не привлечет к себе ничего внимания; потому чем меньше говорить о ней, тем сообразнее будет с ее достоинством.

Если бы нам следовало всю эту статью посвятить собственно книге г. Горлова, статья была бы, как видим, очень коротка. Но мы вздумали воспользоваться появлением его ветхого труда, чтобы поговорить об отношениях нашего взгляда на экономические явления к той системе, учеником которой является г. Горлов. Мы часто спорим против нее, смеемся над нею; но до сих пор наши споры и насмешки относились к разным частным вопросам экономической жизни — к теории невмешательства общественной власти в экономические явления, к отвержению общинной поземельной собственности и т. д.¹⁶ Теперь мы хотим взглянуть на дело в его общем характере.

Если мы называем отсталыми, неверными и вредными многие мнения той школы, учение которой у нас исключительно называется политической экономией, то из этого еще вовсе не следует, чтобы мы не признавали за неоспоримые и благотворные истины очень многих существующих положений школы, называющей своим основателем Адама Смита. Например, без всякого сомнения, постоянная меновая ценность продукта определяется издержками его производства, а рыночная, ежедневно колеблющаяся цена его — отношением запроса к предложению; без всякого сомнения также, разделение труда служит одним из могущественнейших условий для увеличения и усовершенствования производства. Мы могли бы насчитать множество подобных положений, с которыми мы вполне согласны; но такой список подробностей всегда остался бы неполон, а между тем был бы слишком утомителен; мы думаем, что лучше определим отношение своего взгляда к господствующей школе политической экономии, если вместо перечисления подробностей, в которых согласны с нею, выскажем свою мысль об основной идее, которая составляет общий источник всех этих частных мыслей. Мы удивим многих так называемых экономистов, если скажем, что вполне принимаем основную идею их системы. «Как? вы признаете принцип *laissez faire, laissez passer*¹⁷? — скажут с изумлением так называемые экономисты, воображающие, что понимают теорию, которой держатся

и против которой мы постоянно спорим. «Если так, зачем же вы защищаете столь противоречащие этому принципу мысли, как законодательное определение экономических отношений и общественное владение землею?» — прибавят они с негодованием. Из такого понятия о принципе *laissez faire*, *laissez passer* следует только, что так называемые экономисты сами не разумеют оснований теории, которой следуют. Чтобы объяснить им их ошибку в этом случае, мы должны будем коснуться мыслей, которые относятся не к одной политической экономии, а принадлежат к общей теории какой бы ни было науки. Читатель увидит, что многие из соображений, на которых основан наш взгляд на экономические вопросы, имеют подобный характер.

Идеи, предписывающие что-нибудь делать, стремиться к чему-нибудь, словом, имеющие практический характер, по обширности своего применения разделяются на два разные рода. Одни имеют значение общее, требуют применения ко всякому данному случаю, всегда и везде. Таковы, например, принципы: человек обязан искать истины, поступать честно; общество обязано стремиться к водворению в себе справедливости, законности. Цель действия указывается такими принципами; но говорят ли они о способе, которым надобно стремиться к ней? Нет, способ исполнения задачи нимало не определяется ими. Как скоро мысль указывает способ исполнения, она теряет характер всеобщей, безысключительной применимости. Возьмем, например, самое общее определение способа к исполнению обязанности поступать честно. Оно будет: не лги. На первый раз может показаться, что это правило не допускает исключения. Но Муций Сцевола сказал Порсене: «Таких людей, как я, в Риме триста человек»; он солгал, — он был один; но кто осудит его, когда он своим обманом спас отечество?¹⁸ В одной из сербских песен о битве на Косовом поле¹⁹, сербы посылают своих витязей осмотреть силы врага. Витязи возвратились; «много ли войска у турок?» — спрашивают их. «Нет, войска у турок не очень много; мы можем одолеть его», — отвечают они войску; потом отводят в сторону князя Лазаря и говорят: «У турок бесчисленное войско; победить их нет возможности; мы сказали, что турок немного, чтобы не оробели сербы». Кто осудит этих витязей? А ведь они солгали. Они поступили бы нечестно, если бы сказали войску правду. Мы нарочно взяли такой способ действия, который представляется имеющим самый высокий характер безысключительности. Но и он, как видим, встречается случаи, в которых не соответствует общей обязанности человека поступать честно,